

ИВАН
АПРАКСИН

ПИРАТЫ
РУССКИХ
МОРЕЙ

ЦАРСКИЙ
ПИРАТ

Иван Апраксин
Царский пират
Серия «Пираты русских
морей», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5814774
Царский пират / Иван Апраксин: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63666-2

Аннотация

Русь шестнадцатого века...

Вчерашние поморы и бывшие стрельцы Степан да Лаврентий бороздят Варяжское море на борту «Святой Девы» – первого русского военного корабля. Командир, боярский сын Василий Прончищев, доволен своими молодцами, но ему не терпится привести корабль к стенам Нарвы, где войско Ивана Грозного едва сдерживает натиск шведских головорезов. И команда «Святой Девы» обязательно поспела бы к сроку, если бы начинающий колдун Лаврентий не столкнулся в Священной роще с мощью языческих богов, которые не принимают силы Алатырь-камня...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Иван Апраксин

Царский пират

© Апраксин И., 2013

© Оформление. ООО «Издательство “Эксмо”», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас.
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.*

П. Коган «Бригантина»

Глава 1

Земля богов

Сначала остров казался крошечной точкой на бескрайней шире Варяжского моря. Затем он становился все больше и больше, вырастая из линии горизонта. Море было покрыто белыми барашками волн, и остров постепенно как бы вырастал из пенящегося водного простора...

Когда бриг «Святая Дева» подошел совсем близко, стало видно, насколько он велик. Обрывистые скалистые берега нависли над морем, и об их камни с шумом разбивались набегающие волны. В глубине острова за опоясавшей его каменной грядой видны были низкие, пригнутые постоянными ветрами деревья, составлявшие редколесье.

Неприветливый и суровый вид берега не смутил Степана, стоявшего на капитанском мостике возле штурвала. За годы плавания по северным ледовитым морям он привык и не к таким пейзажам. Острова, на которые в поисках охотничьей добычи высаживались поморы, выглядели зачастую куда суровее. Здесь же, в Варяжском море, хотя бы можно не опасаться сплошных льдов.

Но где можно причалить? Отвесные скалы, выраставшие прямо из воды, выглядели негостеприимно.

Корабль медленно двигался вдоль берега, и Степан зор-

ким глазом выискивал пригодное место для стоянки.

– Люди здесь не живут, – пояснил Каск, стоявший у штурвала. – На острове жить нельзя, он принадлежит богам. Там, в глубине, есть священная роща и огромные камни – это место силы.

– Откуда же ты знаешь про это? – спросил Степан, не отрывая взгляд от тянущихся по берегу скал. – Если тут люди не живут?

– На острове нельзя ночевать, – ответил эстонский рыбак. – Но те, кто хочет посоветоваться с богами или попросить у них что-то, приплывают сюда и идут в священную рощу. А потом возвращаются на свои шхуны.

– Теперь гораздо меньше, чем раньше, – вставил подошедший Лембит. – Это ведь – древняя вера, а мы стали христианами. Священники в один голос говорят, что поклоняться идолам – смертный грех.

– Все равно кое-кто приплывает сюда, – упрямо заметил Каск. – Я даже видел одного такого – он арендатор на соседнем хуторе. Хвастался, что доплыл, поговорил с богами, принес жертвы и благополучно вернулся домой.

– Правильно делает, что хвастается, – сказал Степан. – Скалы здесь такие опасные, что мог и не вернуться домой. Разбиться тут ничего не стоит.

– Это место не для людей, – пожал плечами рыбак. – Оно так и называется – Готланд, земля богов.

Место для стоянки пришлось искать почти весь свето-

вой день. Проще всего было бы бросить якорь поблизости от неприступного острова, а затем подойти к берегу на шлюпке. Но имелся огромный риск, что шлюпку просто разобьет о прибрежные скалы: остров стоял посреди бурного моря, и волна у берегов была высокая. Да и сам бриг возле этих берегов не мог оставаться в безопасности – стоит ветру усилиться, и, не ровен час, корабль сорвется с якорей и полетит на камни...

За день команда вымоталась до предела: чтобы удержать корабль вблизи острова, нужно было постоянно держать паруса в определенном положении и по команде капитана менять их наклон и разворот. Управлялось это десятками канатов, а работоспособных людей на бриге было всего двенадцать.

Стало уже темнеть, когда с подветренной стороны острова Степан увидел небольшую бухту, в которой бриг мог спрятаться от слишком высокой волны. Зайти в нее оказалось тоже делом нелегким. За две недели плавания людей удалось приучить к командам и кое-как сделать из них моряков, но в условиях быстро наступающей темноты зайти в бухту при беспокойном море – трудная задача даже для хорошо обученной команды.

Об острове Готланд Степану рассказали Каск и Лембит, они неплохо знали эту часть Варяжского моря и могли послужить проводниками. Безлюдный остров, стоящий в стороне от морских путей, – самое пригодное место для убежища.

«Святая Дева» вышла из порта Сан-Мало в начале ноября и за две недели прошла мимо датских островов, германских и польских берегов, а теперь настала пора остановиться. До Нарвы – конечной цели плавания, оставалось два-три дня пути.

План действий разработали Степан, как капитан корабля, и сотник Василий, сын Прончищев, особенно рвавшийся поскорее вернуться на службу московскому царю Ивану. Война продолжалась, и Василий буквально сходил с ума от нетерпения – ему хотелось поскорее вновь принять участие в боях. Тем более что теперь он был охвачен великолепной идеей – послужить государю не на суше, как все остальные боярские дети, а на море – в чужой и незнакомой стихии.

– Мы – первый русский военный корабль! – говорил он Степану и всем остальным членам команды. – Не было еще своего флота у Русской державы! Но будет, а мы – первые!

Василий был убежден в том, что русская армия вновь подступила к Нарве и сейчас стоит лагерем под ней, готовясь к решительному штурму. Согласно разработанному плану, Степан с Василием явятся к царским воеводам и объяснят себя. Объяснят, что, оказавшись в плену, сумели захватить вражеский корабль и теперь сами стали управлять им. А дальше уж – дело воевод решить, как лучше использовать в войне вооруженный корабль.

Крепость Нарва не стоит на море, но снабжаться с моря она может: корабли поднимаются из устья реки Наровы и под

защитой крепостных пушек разгружаются. А русской армии остается лишь скрипеть зубами от бессильной ярости, потому что воспрепятствовать этому она никак не может – нет своего флота.

А если нет своих кораблей, то и война на море, считай, что заранее проиграна. Что толку осаждать крепость, если она имеет отличное снабжение всем необходимым? На что надеяться? На чудо? На героизм воинов, которые будут раз за разом погибать на приступах к крепости?

– Но теперь все изменится, – с воодушевлением говорил Василий. – Мы станем перехватывать суда, идущие к врагу, и Нарва обессилеет. Тогда и взять ее будет куда проще!

Каково же будет изумление врагов, когда под стенами Нарвы вдруг появится корабль с иконой Богородицы на парусе и с русской надписью по правому борту – «Святая Дева»! Может быть, одного ошеломления от неожиданности окажется достаточно для успешного штурма.

Но, перед тем как приступить к исполнению плана, Степан настоял на остановке у острова Готланд. Это решение было связано с несчастным греческим юношей. Неудавшийся купец Димитрий Кордиос умер от раны, полученной им от французских пиратов. Испускал дух он долго, мучаясь от нестерпимых болей в загнившей и воспалившейся ране. Перед смертью он смотрел стекленеющими глазами на склонившихся к нему Степана и Марко Фоскарино, умоляя в последний раз выполнить его волю.

Просьб у Димитрия было две: не бросать его тело в море, а похоронить в земле, как положено христианину. И вторая – отвезти его сундук с золотом на Родос, чтобы сестра не стала ответчицей по его долгам.

Если первая просьба была более или менее исполнима, то насчет второй у Степана имелись сильные сомнения. Он обещал умирающему исполнить его волю, но внутренне находился в смятении. Родос – это остров, как ему уже объяснили. Но где он расположен? В Средиземном море... Учивший Степана старец Алипий из холмогорского монастыря ничего не говорил про Средиземное море.

– Наверное, можно добраться и туда, – размышлял про себя поморский капитан. – Есть морские карты, и астрология не подведет. Ингрид умеет с ней обращаться, да и мне стоит научиться. Но дальний путь! По незнакомым морям!

Где родная Кемь и Белое море и где неведомый остров Родос?

– Родос найти – это тебе не на Грумант ходить, – говорил с досадой Степан Лаврентию – единственному человеку, с которым мог быть до конца откровенен и перед которым не боялся показаться слабым и неуверенным в себе...

Лаврентий в ответ молчал и загадочно улыбался. Видно было, что карельскому колдуну нечего сказать о Родосе, пока он не посоветовался с духами предков и не поворожил.

Правда, к чувству досады у Степана примешивалось и другое чувство. Он хотел этого плавания! Хотел испытать

себя, пройти по всем морям и увидеть весь огромный загадочный мир! Разве он не сумеет, не справится? Английские, испанские и другие капитаны ходят по всем морям-океанам, а разве русский помор хуже?

Пройти в морозном тумане на обледенелом поморском коче из Кеми на Грумант он, Степан, может. А раз это может, то и до Родоса доплывет, благо там, говорят, льдов совсем нету...

Но сначала – война! Василий прав: если давали присягу царю Ивану, прозываемому в народе Грозным, то надо исполнить воинский долг до конца. Тем более что их воинская помощь с моря может оказаться бесценной.

Однако сундук с золотом, который нужно доставить на Родос... Не идти же на войну с таким богатством. Можно ли подвергать это золото опасности? Добро бы, оно принадлежало Степану или всей команде – тогда можно рисковать. Но от него ведь зависит судьба, если не сама жизнь далекой незнакомой девушки. И не просто девушки, а сироты, к тому же лишившейся даже единственного брата, о чем ей еще предстоит узнать...

С чувством тревоги Степан Кольцо подумал вдруг о том, что ему волей-неволей вручена судьба этой девушки, которую он даже не знает и никогда не видел. Димитрию Кордиосу угодно было назначить его, Степана, своим душеприказчиком. Точнее, у несчастного Димитрия просто не было иного выхода, кроме как довериться Степану – практически

незнакомому человеку.

А разве такое доверие можно обмануть?

Когда наступил поздний рассвет и стало видно все вокруг, с корабля спустили шлюпку. Бриг покачивался на двух якорях в маленькой бухте, окруженной поросшими кустарником скалами. В шлюпку спустили завернутое в плащ тело Димитрия, а затем его сундук, обитый железными скобами. Лаврентий сел на весла, следом спустились Степан и мрачный венецианец Марко Фоскарино. В последний момент в шлюпку стала спускаться Ингрид, но Лаврентий вдруг строго остановил ее.

– Нет, – сказал он. – Хоронить – это не женское дело.

– Но я хочу, – упрямо произнесла Ингрид, уже занесшая ногу, чтобы перелезть через борт корабля. – Я все это время ухаживала за ним. Теперь я хочу положить его в могилу.

Ее глаза потемнели: Ингрид не любила, чтобы ей противоречили. Степан уже думал согласиться, тем более что девушка и вправду ходила за умирающим греком, как сестра. Почему бы ей и не похоронить его?

Но Лаврентий проявил неожиданную твердость.

– Здесь место силы, – сказал он изменившимся голосом. – Рыбаки говорили правду, я это чувствую. В месте силы женщинам не место. Ингрид, останься на корабле.

Степан был уверен, что девушка в ответ возмутится, но, как ни странно, она послушалась Лаврентия. Сверкнула глазами и осталась на палубе корабля. С борта на отплывающую

шлюпку смотрела вся команда во главе с сотником Василием. Рядом стояли одноглазый Ипат со своим вечным другом Агафоном и новым воспитанником – Чертом, как упорно называли чернокожего гиганта М-Твали...

Подняться на берег тоже оказалось проблемой: среди скал нужно было найти узкую расселину. Наконец, по узкой тропинке, ведущей круто вверх, все трое поднялись на землю острова. Тащить мертвое тело на плечах вызвался Марко Фоскарино. Он был уже немолод, и делать это было ему трудно, однако он угрюмо буркнул:

– Я был дружен с его отцом. Теперь это – единственное, что я могу сделать для сына.

Степан же тащил тяжелый сундук, обхватив его обеими руками и прижав к животу. Это было страшно неудобно, но ручек у сундука не имелось.

Положив тело на землю, они отправились осмотреть остров. С моря он казался больше, чем был на самом деле, но все же на то, чтобы обойти Готланд, понадобилось несколько часов.

Ничего удивительного в том, что люди тут не живут. Каменистая почва вряд ли может дать урожай, а для рыболовецкого промысла берега уж слишком неудобные, поднимаясь на берег и спускаясь к морю, каждый раз рискуешь сломать себе шею.

Сильно задувавший до этого ледяной ветер немного стих, и пошел мокрый снег – крупные влажные хлопья покрывали

землю, камни, деревья с облетевшими листьями. Снег быстро таял, и влага чавкала под ногами.

– Вот она, – вдруг сказал Лаврентий, вытягивая вперед руку. – Священная роща.

В отличие от остального редколесья, здесь были дубы. Расположенная в самом центре острова в низине, дубовая роща состояла из невысоких, но кряжистых деревьев с толстыми стволами и ветками, далеко тянущимися над землей. Сейчас, поздней осенью, листва с них давно облетела, но в другое время года под сенью этих деревьев наверняка можно было ходить, не опасаясь дождя или солнца. Длинные ветви широко раскинулись и переплелись между собой.

В середине рощи стоял огромный камень-валун. Высотой он был в полтора человеческих роста и примерно такой же в ширину. По бокам от него располагались еще шесть камней поменьше размером: три с одной стороны, и три – с другой.

– Семь камней, – прошептал Лаврентий. – Я же говорил, это – место силы.

Никто из них не удивился тому, что Лаврентий вдруг заговорил шепотом. Ветер стих, в древнем святилище стояла тишина. В присутствии этих тысячелетних дубов и гигантских молчаливых камней, стоящих в определенном порядке, казалось кощунственным разговаривать громко.

Все вокруг казалось немного страшным и таинственным.
– *Mater Misericordia, oro pro nobis*, – сдавленным голосом произнес венецианец.

– Пресвятая Богородица, моли Бога о нас, – отозвался Степан.

Они оба перекрестились.

– Этого здесь не нужно, – прошептал Лаврентий. – Здесь, в священной роще, мы и так находимся под защитой богов.

Двигаясь как зачарованный, колдун пошел по кругу, обходя валуны один за другим. Останавливаясь возле каждого, он осматривал его со всех сторон и шептал что-то при этом.

Затем остановился и забрался рукой себе под рубашку. Вытащив оттуда мешочек, колдун достал осколочек камня-Алатыря. Постояв немного, Лаврентий сделал шаг к самому большому валуну, стоявшему посередине. Вытянул руку с зажатым камешком перед собой и сделал еще один шаг. Теперь до валуна оставалось лишь совсем небольшое расстояние.

Наблюдавший за действиями друга Степан почувствовал, как он напряжен. Лаврентий как бы вытянулся в струнку, спина и затылок чуть вибрировали – вероятно, колдуна била дрожь.

В последний момент он обернулся к Степану, и стало видно, какие у него округлившиеся застывшие глаза. В них стоял страх – колдун боялся.

В следующее мгновение Лаврентий шагнул вперед и прижал Алатырь к мокрой от падающего снега поверхности валуна.

И тут произошло невероятное! Никаких звуков не было.

В полной тишине словно молния ослепительно сверкнула в том месте, где камень-Алатырь прикоснулся к валуну. Сначала мелькнула вспышка, и тотчас же сноп белых искр рассыпался вокруг.

Неведомая сила резко отбросила колдуна назад, и он упал на спину. Шапка свалилась на землю, но отброшенная в сторону рука продолжала сжимать Алатырь.

Венецианский купец от неожиданности шарахнулся в сторону, а Степан бросился к Лаврентию, лежавшему неподвижно с закрытыми глазами. Чуть оттащив друга подальше от валуна, Степан склонился к нему.

Неужели мертв? Этот проклятый валун убил его?

Лаврентий открыл глаза и бессмысленным взглядом уставился на Степана. Затем пошевелил губами, будто пробуя, слушается ли его язык.

– Так я и знал, – прошептал он. – Так и знал. Это другое колдовство.

– А если знал, то зачем же полез? – поинтересовался Степан, успокаиваясь: если друг разговаривает, значит, его жизнь вне опасности.

– Нужно было проверить, – пробормотал колдун. – Теперь все ясно: в этой священной роще живут другие боги. Они не приняли камень-Алатырь, он им чужой.

Он сел, а затем попробовал встать. Руки и ноги не слушались Лаврентия, и он снова опустился на землю.

– Ну, вот и хорошо, – заметил Степан, подавая другу руку,

чтобы тот еще раз попытался встать. – Теперь ты убедился и, слава богу, остался жив. Пойдем отсюда.

– Нет, это место силы, – упорно проговорил Лаврентий. – Теперь-то уж я полностью убедился. Отсюда нельзя уходить до тех пор, пока здешние боги не захотят со мной говорить. Оставь меня здесь, я побуду с ними наедине.

Поймав встревоженный взгляд Степана, он слабо улыбнулся.

– Не бойся, – сказал он. – Я больше не буду доставать Алатырь. Я должен был попытаться, но это оказалось ошибкой. Иди, я догоню вас.

Находиться в этом странном месте Степану было неудобно с самого начала, а после увиденного вообще стало страшно, так что он не стал спорить. Что же касается Марко Фоскаринно, тот он был в восторге от идеи убежать отсюда и никогда не возвращаться.

– Надеюсь, мы не будем хоронить Димитрия поблизости от этой рощи? – спросил он утвердительно. – Димитрий был добрым христианином, и ему было бы неприятно лежать тут.

Двумя заступами они вырыли могилу между двух небольших деревцев и положили туда завернутое в плащ с ног до головы тело несчастного грека. Туда же положили все четыре иконы, бывшие с ним: Иисуса-Пантократора, Богородицы, Димитрия Солунского и архиепископа Николая, Мирликийского Чудотворца. Вероятно, этой последней иконой молодой человек запасся специально перед путешествием по мо-

рям...

Засыпав могилу, сверху выложили из мелких камешков крест, а затем встали в изголовье.

– Кто будет молиться? – спросил Степан, обращаясь к венцианцу. – Он был твоим другом и сыном твоих друзей.

– Лучше это сделать тебе, – ответил Марко, вытирая запачканные землей руки о рукоятку заступа. – Все-таки вы с ним принадлежите к одной церкви. Будет правильно, если над могилой схизматика будет молиться схизматик. Ты умеешь это делать?

Степан хотел было ответить, что годы, проведенные за учением в холмогорском монастыре, не прошли даром. Молиться и служить Богу – это второе, что он умеет делать хорошо после вождения кораблей по студеному морю...

Прочитав молитву Господню, канон Пресвятой Богородице и тропарь всем святым, Степан приступил к погребальному обряду.

– Еще молимся об упокоении раба божьего Димитрия, и о проститеся ему вся согрешения его вольныя и невольныя, словом-делом, ведением и неведением...

Сбоку приблизился Лаврентий. Он встал в ногах могилы и, осенив себя крестным знамением, присоединился к молитве. Марко опустился на колени.

– И упокой его, Господи, в селениях праведных, иде же несть ни скорби, ни печали, ни въздыхания, но жизнь бесконечная...

Место было возвышенное, и, когда ветер с моря усилился, слова стали еле слышны. Ледяные порывы Балтики пошвыстывали вокруг, унося обрывки молитв в сторону. Когда Степан запел «Со святыми упокой», Лаврентий присоединился к нему. Их громкие голоса, силившиеся перекричать морской ветер, зазвучали в унисон, сильнее.

Они молились не только о Димитрии, но обо всех своих товарищах, погибших в последнее время. Стоя посреди пустынного острова, обдуваемого всеми ветрами, оба почувствовали, что время для такой молитвы настало, и место – самое подходящее.

– Со святыми упокой, Господи, – силясь преодолеть вой ветра, выводили Степан с Лаврентием, – души усопших раб Твоих...

– Теперь сундук, – охрипшим от пения на ветру голосом сказал Степан. – Надо поискать место, чтобы потом сразу найти.

– Лучше всего – в священной роще, – предложил Лаврентий. – Там легко запомнить место по расположению камней.

Заметив смущение на лицах Степана и Марко, колдун пояснил:

– В священной роще нельзя хоронить людей. А предметы как раз хорошо прятать там, под защитой богов.

Пока по очереди тащили тяжелый сундук, венецианец, наконец, не выдержал и задал Лаврентию вопрос, который мучал его давно.

– Слушай, – сказал он. – Объясни все-таки мне, ты христианин или язычник?

Но отвечать на этот вопрос Лаврентий научился еще в детстве, когда под руководством дедушки-колдуна только начал заниматься своим главным делом.

– Я чту всех богов, – миролюбиво сказал он. – Раньше были древние боги, а теперь пришли новые. Я знаю, что наступит время – и старые боги уйдут от нас. Но пока что они еще сильны и могут помочь людям так же, как новые. Да и вообще, зачем делать различия? Старые и новые боги – это одно и то же в жизни человека.

Этот уклончивый ответ, конечно, не удовлетворил Марко, но делать было нечего – венецианец озадаченно вздохнул и умолк. Честно говоря, Степан и сам не знал, как следует относиться к сверхъестественным силам и способностям своего друга. Поморский Север издревле богат колдунами, но пришедшее в эти края христианство выработало какие-то формы мирного сосуществования со старинной магией и волшебством. По крайней мере – в сердцах людей-поморов.

Наметив место в священной роще, они закопали сундук в землю на глубину в три локтя – вполне достаточно для того, чтобы даже сильный ливень не смог размывать грунт и обнажить сокровище. Перед тем, как закопать сундук, Степан взглянул на него и подумал о том, какая странная судьба у этого предмета. Ему нужно было проделать долгий путь

от Родоса в Венецию, чтобы затем быть зарытому на пустынном острове посреди холодного северного моря.

– А потом он, так и не будучи открыт, вернется на Родос, – закончил свою мысль Степан. – Но это уж будет моя забота.

Неожиданность поджидала чуть после, когда Лаврентий вдруг отказался возвращаться на корабль.

– Нельзя уезжать, пока я не помирюсь со здешними богами, – заявил он. – По всему видно, что в этих краях, в этом море они очень сильны. Без их помощи нам всем будет трудно. А, кроме того, мне нужно поворожить, и место для этого подходящее.

Он собирался провести в священной роще весь остаток дня и ночь.

– Но как же ты останешься один? – с недоумением поинтересовался Степан. – У тебя нет еды и негде укрыться от ветра со снегом.

Но колдун только улыбнулся в ответ.

– Боюсь, мне будет жарко, – ответил он. – Может быть, даже слишком жарко. А еды здесь предостаточно. – Он обвел глазами валуны святилища. – Отсюда исходит огромная сила. Разве ты сам не чувствуешь?

На корабле царило безмятежное спокойствие – все были заняты делом. Большая часть команды занималась починкой парусов и приводных канатов, которые часто рвались. Агафон использовал время для того, чтобы обучить пиццальному бою и обращению с холодным оружием новичков – Фе-

дора и Кузьму. Оба они совсем не владели этим искусством, и теперь Агафон в роли строгого учителя наслаждался выпавшей ему ролью.

Что же касается одноглазого Ипата, то он с самого начала сходил с ума от корабельных пушек. Он осматривал их, чистил, любовался ими. Видя, как Ипат поглаживает чугунные и бронзовые стволы и приговаривает что-то при этом, Степан даже с невольной усмешкой догадывался, что новоиспеченный канонир дал каждому из орудий какое-то имя и теперь общается с ними.

С сотником Василием Ипат не разговаривал никогда. Более того, оба старались не встречаться взглядами, будто не существовали друг для друга. После конфликта, случившегося в рабском кубрике, когда Василий вернулся от капитана Хагена, а Ипат злобно издевался над ним, между канониром и боярским сыном не могло быть никаких отношений. Степан краем глаза лишь замечал, как напрягается лицо Ипата, когда он проходит мимо Василия Прончищева, а временами перехватывал устремленный на канонира взгляд сотника – тяжелый и задумчивый, словно налитый свинцом.

– Что-то еще будет, – с тревогой понимал капитан Кольцо. – Не сейчас, так потом. Но так просто эта ситуация не разрешится.

Надо думать, Ипат уже сто раз успел пожалеть о том, как вел себя по отношению к боярскому сыну. Поспешил тогда, поторопился с издевательствами. Теперь все развернулось

по-другому, и сотник Василий вновь стал тем, кем и должен был. Пусть не капитаном корабля, но все же явным воинским начальником: всяко уж не чета Ипату...

Зато у канонира имелось свое удовольствие. Однажды он заметил, с какой ловкостью его чернокожий «воспитанник» кидает в деревянную переборку короткий ножик. Взмах рукой, и сверкающее лезвие, перекувырнувшись в воздухе несколько раз, точно вонзается в стенку. Такому глазомеру мог позавидовать каждый, и Ипат решил сделать из М-Твали артиллериста, себе в подмогу.

Чернокожий гигант был в восторге от своего нового положения. Он научился заряжать орудия в считанные секунды, а в том, чтобы перекачивать их по палубе, ему вообще не было равных – физической силой И-Твали превосходил всех остальных. Однажды с разрешения Степана Ипат устроил «учебные стрельбы», используя для этого десять ядер из запаса, значительно пополнившегося после стоянки в Сан-Мало.

Из досок разломанного снарядного ящика был сооружен маленький плот, который, привязав длинной веревкой, бросили за борт. Когда расстояние между бригам и плотиком значительно увеличилось, Ипат начал стрельбу по нему.

Это было настоящей боевой практикой: корабль качало волной, цель была маленькая, и попасть в нее было крайне сложно. Вся команда, столпившись у борта, наблюдала за стрельбами. Пушки поочередно грохотали, Ипат материл-

ся, сизый пороховой дым ел глаза всем присутствовавшим.

Четвертым выстрелом Ипат опрокинул плотик так, что он перевернулся. Шестым – разнес его в щепки. Это был очень хороший результат – ведь маленький плот куда меньше, чем вражеский корабль.

Последний, десятый выстрел гордый собой канонир позволил сделать своему новому помощнику.

– Давай, Черт, – снисходительно сказал Ипат. – Покажи себя. Чему я тебя научил...

Сверкая белозубой улыбкой, М-Твали ловко откатил тяжелый пушечный лафет и зарядил орудие. Закатив в жерло ядро, он несколько раз мягко, но сильно сунул банником, забивая заряд поглубже. Затем, перескочив к казенной части, навел пушку на оставшуюся плавать среди волн доску. Выстрел – и доска взмыла кверху, ядро угодило ей в край.

Вообще чернокожий убийца с пиратской галеры на деле оказался добродушнейшим парнем. Он поминутно улыбался, стараясь угодить всем, а в Ипате вообще души не чаял. Только при виде Степана он как-то собирался и отводил глаза в сторону: неловко было, ведь в бою он чуть не убил поморского капитана.

Кроме прочего, М-Твали оказался очень восприимчив к языку. На пиратской галере с ним никто не разговаривал: его держали в клетке, как дикого зверя, и выпускали только в бою, когда нужно было убивать неизвестно кого за миску похлебки. А оказавшись на борту русского корабля, афри-

канец погрузился в языковую стихию, вскоре ставшую для него понятной. Никто специально не учил его, но М-Твали слушал речь, обращенную к себе и звучащую вокруг себя, так что результаты не замедлили сказаться.

Конечно, тут постарался и Ипат, ревниво следивший не только за артиллерийскими успехами, но и за общим развитием своего помощника. Однажды он даже устроил аттракцион для всей команды, когда перед всеми вдруг задал вопрос:

– Скажи нам, Черт, кто ты таков?

Видно, с Чертом уже репетировали этот номер, потому что тот с готовностью улыбнулся и с ужасным акцентом, но четко отрапортовал:

– Стрелец московского царя!

– А с кем ты должен сражаться, Черт? – задал следующий вопрос одноглазый педагог.

– С немцами, шведами и басурманами, – последовал немедленный ответ.

– Вот вернемся в Россию, – обращаясь ко всем, сказал Ипат. – Зачислим Черта в стрелецкий полк пушкарем и на войну пойдем. От одного его вида басурмане разбегаться будут.

Сейчас, вернувшись с острова на корабль и увидев знакомые лица в знакомой обстановке, Степан испытал облегчение. Только сейчас он понял, что имел в виду Лаврентий, говоря о «месте силы». Действительно, на острове он ощу-

щал угнетенность, словно в присутствии какой-то незримой, но грозной силы. Будто десятки глаз наблюдали за тобой, раздумывая, оставить тебя в живых или уничтожить одним могучим ударом.

Во второй половине дня настало время обеда. Готовить еду для команды Ингрид решительно отказалась с самого начала.

– Никогда не любила этого, – заявила она Степану. – Только для мужа стану готовить. А поварихой на собственном бриге не буду. Давай, лучше я тебя научу обращаться с астролябией – это куда интереснее.

Поваром пришлось сделаться Лембиту, которого это вполне устроило. На корабле он оказался самым старшим по возрасту – ему было под сорок лет, и голова с бородой давно сделались седыми. Лембит в юности надорвался и заработал себе грыжу, так что участвовать в полевых работах не мог. Ходить в море на шхуне – другое дело, а надсаживаться в поле с бороной он не мог. Но ведь не сидеть же сложа руки. Вот хозяин хутора и приноровился помогать своей жене готовить обед для большой семьи и работников. Кстати, как доверительно пояснил Лембит Степану, так выходило даже экономнее: жена вечно жалела людей и старалась положить в котел побольше продуктов, а он, будучи хорошим хозяином, положил конец такому расточительному безобразию...

Правда, кулинарные способности хозяина хутора Хявисте

были незатейливы. Точнее, они полностью соответствовали тому, чем и привыкли питаться на эстонских хуторах: это была жидкая овсяная или ржаная каша с плавающими в ней кусками сала. Привыкшие к русским калачам и кулебякам стрельцы негодовали и давились, но Ингрид была хозяйкой корабля и обучала капитана морским наукам, а больше никто на борту готовить не умел.

Но обед на острове Готланд оказался праздничным. Воспользовавшись стоянкой в бухте, с борта корабля забросили сеть и в несколько приемов выловили довольно большое количество трески. На каждого члена команды пришлось по три рыбины. Лембит сварил рыбу с солью в огромном котле, где привык варить кашу. К рыбакам он выдал по две галеты из партии, которую закупили в Сан-Мало. Перед тем, как есть, этими галетами, согласно старинной морской традиции, следовало долго изо всех сил стучать по столу или по лавке. Заслышав на корабле мерный и сильный стук, каждый мог безошибочно догадаться – наступило время обеда и матросы стучат галетами, выбивая из них черных мучных червей...

Обрадованные рыбой на обед, стрельцы потребовали принести бочонок с крепким пивом или вином, также закупленными в изобилии, но тут Степан воспротивился.

– Завтра с утра выходим опять в море, – объявил он. – Нечего напиваться. Скоро начнем войну, тогда и будем пировать хоть каждый день. Счет будет такой: один потопленный

вражеский корабль – один бочонок пива или вина, на ваш выбор. Как ты – согласен, боярский сын?

Василий солидно кивнул и довольно усмехнулся. Степан и сам понимал: раз уж они возвращаются на войну и будут взаимодействовать с русским войском, боярский сын снова станет важной фигурой. Раз так – с ним нужно держаться почтительно. Хотя отношения у них между собой были хорошие, все же двум независимым людям трудно сохранять паритет...

Степан сидел в трюме за столом вместе со всеми, шутил и смеялся, а затем поднялся в капитанскую каюту вместе с Василием и Марко Фоскарино, где уже сидела Ингрид с книгой в руках. Находясь в Сан-Мало, она вдруг в одной лавке присмотрела и купила себе книгу в кожаном телячьем переплете – ужасно толстую и дорогую. Книга была печатная, что делало ее гораздо дешевле прежних – рукописных, но все равно стоила одну золотую монету. Это были деньги, за которые можно было купить корову. Называлась книга «Рассуждения о небесной сфере».

В книге было много рисунков – схемы движения небесных светил, таблицы, с помощью которых исчислялись расстояния до них от Земли, а также рассказывалось о параболах, эллипсах и магнитных силах морей.

– Ты сможешь это понять? – поинтересовался Степан у девушки, пораженный тем, что она купила себе вот эту книгу, а не новое платье или золотые украшения, столь обильно

продающиеся в лавках пиратского Сан-Мало...

– Сначала не пойму, – засмеялась Ингрид. – Потом прочту еще раз и пойму мало. Затем прочту снова и снова и наконец пойму.

Внимательно посмотрела на молчащего Степана. И вдруг выпалила:

– И ты поймешь. Тебе тоже придется прочитать эту книгу и понять ее. Потому что другого выхода нет. Это называется наука, а без нее ты недолго проплаваешь по морям и океанам.

Потом засмеялась и закончила миролюбиво, хотя и чуть насмешливо:

– Ничего, я прочту ее первой. Если тебе потом не все будет понятно, я стану тебе объяснять.

Все время, пока он находился на корабле, Степана не оставляло чувство тревоги. Мысль постоянно возвращалась к острову и к неведомому святилищу, где остался Лаврентий.

Что там сейчас происходит? Как отнесутся боги здешних мест к чужаку? Примут ли они нового человека из дальних мест и станут ли с ним разговаривать? Не грозит ли Лаврентию что-нибудь страшное?

Всякий знает, что занятия колдовством – это опасная вещь. Опасная прежде всего для самого колдуна. По незнанию или по ошибке можно вдруг вызвать такие силы, которые набросятся на тебя и с которыми ты не совладаешь.

Конечно, Степан уже имел возможность убедиться в том, что его друг – сильный колдун. Но ведь они с Лаврентием прибыли сюда из совсем других, далеких мест. Будет ли действенным колдовство Лаврентия на этом затерянном среди морей острове?

Отделаться от этих мыслей Степан не мог, как ни старался. Единственным человеком на борту, который разделял его тревогу, была Ингрид. Она постоянно озиралась, глядела на берег и, наконец, не выдержала.

– Как ты думаешь, – сказала она, – с Лаврентием там ничего плохого не случится? Все-таки он остался там один...

– Хочешь присоединиться к нему?

– Нет, – помотала головой девушка. – Лаврентий сказал, что мне туда нельзя, и я знаю, что он прав. Но я все равно боюсь за него.

Этот короткий разговор еще больше добавил Степану нервозности.

Когда стемнело, он объявил команде, что отправляется на берег.

– Ты же не найдешь ничего в темноте, – неуверенно заметила Ингрид, но по глазам девушки Степан понял, что она обрадовалась.

– Боишься за Лаврентия? – усмехнулся капитан. – Ничего с ним не станет. Я так просто – пойду, погляжу. А в темноте не страшно – возьму фонарь.

В душе Степан внезапно ощутил некий укол. Ингрид явно

была неравнодушна к Лаврентию и не собиралась это скрывать. Вот и сейчас она обрадовалась, что колдун будет ночью на острове не один.

Была ли это ревность? Нет, Степан это точно понял. Ингрид была ему симпатична, но он не был в нее влюблен. Это был укол не ревности, но зависти: о Лаврентии беспокоятся, за него тревожатся. Можно сказать, что у Лаврентия в мире есть один человек, который к нему не равнодушен.

А можно ли сказать такое о Степане? Нет, нельзя. Кому он нужен, кто его любит, кто за него боится?

В жизни почти каждый человек проходит через три этапа. В детстве он нуждается в близких людях: он ищет у них любви, участия, помощи. Затем он начинает этим тяготиться – его раздражает опека, давление чужих авторитетов. В эти годы он хочет независимости, самостоятельности. Он силен, и ему никто не нужен. А потом все возвращается назад, хоть и на другом этапе: близкие люди становятся снова нужны. Пусть даже для того, чтобы о них заботиться. А в противном случае в жизни наступает пустота. Ты побеждаешь и добиваешься успеха, но кто порадуетя вместе с тобой? С кем поделишь ты свое торжество?

Если бы не Лаврентий, а Степан остался на ночь на острове, вряд ли Ингрид так же волновалась бы. Точнее, волновалась бы, потому что кто поведет корабль и удержит в повиновении команду, если с ним что-то случится? Но это было бы все же другое волнение.

Об этом Степан думал с невольной завистью к другу, пока греб на лодке, правя к недалекому берегу бухты.

Когда он причалил и вытащил лодку на камни, стало уже совсем темно. Масляный фонарь кое-как освещал дорогу на шаг вперед, но все равно найти верную тропу и подняться наверх среди камней и кустарников было нелегко.

Зато стоило Степану это сделать, как он сразу убедился – дальнейший путь для него ясен.

Недалеко от берега, в том месте, где располагалось святилище, капитан увидел яркое свечение. Столб света поднимался кверху, рассеивая ночной мрак. Чем выше, тем слабее он становился, но внизу, возле земли, был очень силен. Это было совсем не похоже на костер, потому что пламя костра красное, и, кроме того, оно пылает неровно, всполохами. Здесь же было холодное ровное свечение, какое Степан видел только в морях северных широт, когда над горизонтом небо становится вдруг таким же – палево-сияющим.

– Что там происходит? – спрашивал себя поморский капитан, продираясь сквозь густой кустарник в сторону священной рощи. На фоне свечения черные ветви оголившихся ветвей, сплетенные между собой, казались руками зловещих чудовищ, делающих таинственные знаки...

Оказавшись в священной роще и увидев святилище, Степан сразу понял: Лаврентий не ошибся, и эстонские рыбаки не врут – здесь действительно место силы. Перед ним была картина, поражавшая своей необычностью.

Все семь камней, расположенных на опушке, светились. Они оставались камнями, но откуда-то изнутри исходил ровный и очень сильный свет. Он освещал опушку, кроны деревьев и все вокруг, устремляясь вверх, к черному ночному небу.

Ярче других светился самый большой валун, и в свете его Степан различил шевелящиеся силуэты. Вглядеться в них было невозможно, как Степан ни старался: силуэты стремительно видоизменялись, колебались и с огромной быстротой сменяли друг друга.

Лаврентий сидел на земле рядом с валуном, обхватив руками согнутые колени и закрыв глаза. Он не двигался и выглядел спящим.

Жив ли он? Что делает он здесь, рядом с этими удивительными камнями, в чужестранном святилище?

Больше всего в ту минуту Степану хотелось убежать. Перед ним была картина явного волшебства, в которой он ничего не смыслил и даже не мог решить, грозит ли она какой-нибудь опасностью.

Но вид сидящего неподвижно Лаврентия взволновал его. Стараясь не глядеть на светящиеся камни и не думать о плохом, капитан приблизился к другу и осторожно потряс его за плечо.

– Лаврентий, ты жив?

Колдун не откликнулся и даже не пошевелился.

Степан тряхнул его сильнее, а затем приложил руку к шее,

чтобы проверить, есть ли в жилах биение жизни. Так всегда делали, желая удостовериться, на этом ли свете человек или уже переступил роковую черту.

Лаврентий открыл глаза, но не повернул головы и не взглянул на склонившегося над ним Степана. Взгляд колдуна, устремленный в одну точку перед собой, был совершенно бессмысленным и ничего не выражал. Затем губы разомкнулись, и послышался голос:

– Не трогай его, Степан Кольцо.

От этого совершенно чужого голоса капитан вздрогнул. С ним говорил другой человек!

У Лаврентия голос молодой и довольно тонкий, а сейчас из его уст слышался дребезжащий голос старика.

– Кто ты? – затаив дыхание, спросил Степан.

– Нас много, – сказали губы Лаврентия, но на этот раз голос был женским, даже девичьим. – Ты нас не знаешь, а мы не знаем тебя. Отойди, не мешай своему другу. Он сейчас не с тобой, а с нами.

Это был настоящий ужас! Оцепеневший Степан застыл возле валуна, не в силах оторвать взгляд от каменного лица Лаврентия и от его губ, с которых слетали слова других голосов. Кто поселился в его теле? Что за сонмище чудовищ говорит сейчас, пользуясь его губами?

Голос стал детским и засмеялся – шепеляво, захлебываясь, как иногда смеются совсем маленькие дети.

– Иди, иди, – сказал он. – Служи своему Богу и оставь нас

в покое. А не то...

В следующее мгновение силы оставили Степана. Ноги его сделались ватными, тошнота подступила к груди, а от нахлынувшей слабости в глазах сделалось темно. Он отступил на шаг и опустился на землю, не в силах больше стоять. Сделав над собой последнее усилие, капитан попытался отползти в сторону – подальше от страшного места, но это ему уже не удалось: мгла окутала сознание, и он провалился в пустоту.

Очнулся он уже утром, когда неяркий солнечный свет, пробивающийся через облака, освещал поляну. Над головой, в сплетенных ветвях гортанно покрикивали чайки. Рядом сидел Лаврентий – на вид живой и здоровый. Только бледность заливала его лицо, а белки глаз выглядели желтоватыми, как у сильно уставшего человека.

– Как ты? – выдавил из себя Степан, с ужасом ожидая услышать из уст своего друга голос чужого. Вдруг эти голоса поселились в нем навсегда?

– Голова сильно болит, – ответил колдун равнодушно. Потом взглянул на Степана. – А как ты здесь оказался? Я ведь был тут один, а вы должны были ждать меня на корабле. Что ты здесь делаешь?

– Решил проведать тебя, – вымолвил Степан. – Испугался, что ты здесь один. Вот и приплыл – решил проведать, как ты тут.

– Ну и как, проведал?

Степан принялся рассказывать другу о том, что видел и что произошло здесь ночью, на что Лаврентий лишь качал головой и хмурился.

– Это святилище древних богов, – серьезно сказал он, выслушав рассказ. – Тебе не следовало приходить сюда в одиночку. Это могло быть опасно.

– Но я же не в одиночку, – заметил Степан. – Я шел сюда, зная, что ты находишься здесь.

– Меня здесь не было, – покачал головой колдун. – Ты сам это видел, и это тебя испугало. Мое тело было здесь, и через него с тобой разговаривали боги здешних мест. А я находился совсем в другом месте.

Как тотчас же выяснилось, Лаврентий не помнил ничего о том, что было ночью. Днем накануне, оставшись на острове один, он ходил по святилищу. Гладил стволы деревьев священной рощи, беседовал с ними, настраивался на их лад. Потом точно так же сделал с камнями на опушке и под конец почувствовал, что святилище готово впустить его и беседовать с ним. Только тогда колдун надел снова свою шапку с бубенчиками и принялся колдовать. Он выполнил привычные ритуалы и проговорил все необходимые заклинания для перехода в потусторонний мир.

Он добился своего: святилище впустило его, и он потерял сознание. В потусторонний мир он попал, но на все это время перестал существовать в этом мире. Оттого и не видел, как светились в ночи гигантские валуны, как пришел Степан

и какие тени мелькали в световом столбе.

– Наверное, это были картины будущего, – предположил он. – В свете, о котором ты говоришь, отражались картины нашего будущего, которые я видел в своем сне. Ведь я спрашивал богов именно об этом.

– И что они сказали тебе? – спросил Степан, садясь на земле. – И что это были за боги?

Лаврентий усмехнулся снова.

– Я не могу сказать тебе всего, – ответил он. – Тем более, сейчас. Многого ты не поймешь, а многое из того, что я видел, скорее всего, не случится. Ведь мы получили предупреждения о многом, и я буду стараться направлять тебя. Конечно, если ты будешь слушать моих советов.

Он посерьезнел.

– Но четыре вещи могу сказать тебе уже сейчас. Хорошо, что ты пришел сюда, и мы с тобой наедине, потому что команде об этом знать необязательно.

У Степана не было сомнений в том, что друг скажет ему правду. Прошедшей ночью он воочию убедился в том, что колдун имеет власть над силами потустороннего мира, и сказанное им действительно передано от богов. Ну, пусть не богов, но могущественных существ, которым многое подвластно.

– Мы не сможем вернуться домой, – сказал Лаврентий. – Путь на родину для нас заказан. Заклятие капитана Хагена все еще действует. Он не шутил и не лгал: по его заклятию

мы обречены скитаться по свету, не в силах вернуться домой.

– Это первое, – заметил Степан. – В общем-то, ничего нового. Мы с тобой и не думали, что Хаген шутит. Давай дальше.

– Дальше, – сказал Лаврентий. – Опять же о нашем возвращении. Хаген наложил на нас заклятие, и оно действительно, потому что он владеет осколком камня Алатырь большего размера, чем тот, который есть у меня. И чтобы снять заклятие, мы должны найти настоящий камень-Алатырь.

– Ну, это мы с тобой тоже знали, – нетерпеливо перебил Степан. – А есть что-нибудь новое?

– Да, – кивнул колдун. – Я был на острове. На том острове, где ты уже побывал. Там стоит бел-горюч камень-Алатырь, там растет дерево с листьями для исцеления народов. И там сидит красная девица, которая ждет тебя. Мне был показан этот остров.

– Ну, и что же ты скажешь?

– Скажу лишь, что, судя по виду, этот остров – не Грумант, – засмеялся Лаврентий. – И не Готланд. Этот остров находится очень далеко отсюда. Там земля, растрескавшаяся от солнца, а кругом море. Не такое море, как здесь, а синее-синее и очень яркое. Наверное, это далеко на юге. Впрочем, ты учил географию в монастыре, а я даже не перешагивал порога монастырской школы, так что тебе лучше знать.

Степан встал, чтобы размять ноги. Теперь, при свете дня, обстановка вокруг была совершенно прозаической. Серое

небо, начал накрапывать ледяной дождик с мокрым снегом. Он сыпал на деревья священной рощи, на магические камни, расставленные в святилище, и ничто не говорило о том, что ночью могло быть здесь...

– То, что ты говоришь – не новость, – сказал Степан другу. – Мы найдем этот остров в южном море, найдем камень-Алатырь и вернемся затем домой.

– Есть только две трудности, – сообщил невозмутимо Лаврентий, также поднимаясь на ноги. – Во-первых, это – капитан Хаген. Мы забыли о нем, но он отнюдь не забыл о нас. Он следит за нами и готовится сделать нечто, что наверняка способно погубить нас.

– А что именно, тебе не сообщили?

– Здешние боги против него, – сказал Лаврентий. – Они дали мне это понять. Но у него в руках камень-Алатырь, и поэтому ему никто не может помешать. Нам постоянно нужно быть настороже, он готовится нанести удар.

– А второе? – спросил капитан. – Вторая трудность?

– Вторая трудность звучит не так страшно, как первая, – озадаченно улыбнулся Лаврентий. – Но она не менее огорчительна. Дело в том, что к тому моменту, когда мы найдем тот самый остров с камнем, деревом и девицей, мы с тобой оба должны оставаться девственниками. В противном случае, если мы не сохраним девство, камень не сможет нам помочь.

Степан недоуменно промолчал. Это была неожиданная

НОВОСТЬ...

– Вообще-то... – нерешительно сказал он. – Камень, как мы знаем, помогает и капитану Хагену. А уж он-то точно не похож на девственника. Достаточно спросить об этом Василия.

При этих словах друзья, не удержавшись, одновременно прыснули. Нехорошо смеяться, да уж больно смешно прозвучало.

– Хаген – не девственник, это точно, – подтвердил Лаврентий. – Но мы с тобой непременно должны ими быть – таково условие. А ведь мы не знаем, когда удастся найти этот остров с камнем-Алатырем. Может быть, через десять лет. Или через двадцать. Так что придется запастись терпением.

– Слушай, – с раздражением спросил Степан, – а откуда эти твои боги вообще знают, что я до сих пор девственник? Ну, с тобой понятнее – ты совсем молодой парень. Но я-то в свои двадцать пять уже мог бы и не быть девственником. Что, если так?

– Ты до сих пор не веришь в колдовство, – грустно покачал головой Лаврентий. – Казалось бы, столько видел, столько знаешь. А все-таки до конца не веришь. Конечно же, древним богам все про тебя известно. Стоило тебе появиться на этой опушке, и они все уже про тебя знали. Признайся, ведь они правы – ты девственник?

– Да, – мрачно кивнул Степан. – Хотя, надо признаться, это меня уже стало беспокоить. В ближайшем порту я как

раз собирался избавиться от этого своего недостатка.

– Придется потерпеть, – кротко вздохнул колдун. – Что поделаешь? Воля богов...

– Я-то потерплю, если надо, – язвительно заметил Степан. – До двадцати пяти лет дожил, можно и еще двадцать потерпеть. А вот тебе придется несладко: Ингрид на тебя явно глаз положила. Ты это заметил?

– Заметил, – нехотя признался Лаврентий. – По правде сказать, только вчера заметил. А сегодня ночью – вот и на тебе! Нельзя!

– Ингрид ведь – не то что наши поморские девушки, – ехидно посочувствовал капитан. – Она не станет на тебя долго засматриваться да стыдиться. И лицо платком прикрывать не будет. А подойдет, да и потребует своего, желанного. Как выкручиваться будешь?

Лаврентий пристально взглянул на друга и ответил негромко:

– Знаешь, Степан, если будешь издеваться, то я маленько поворожу, и Ингрид влюбится в тебя. И у тебя сразу появятся лишние проблемы. Хочешь?

Они оба засмеялись, после чего колдун сказал:

– Поедем скорее на корабль. После вчерашнего дня и этой ночи у меня зверский аппетит.

И только уже сидя в лодке, направлявшейся к бригу, Лаврентий вдруг сказал:

– Да, кстати. То место, которое раньше было показано те-

бе, а сегодня ночью – мне. Остров, дерево, камень, девица... Это ведь не остров, я увидел. Это как бы полуостров. Он соединен с землей очень узким перешейком. Такая песчаная тропка между двух морей.

Глава 2

Морская удача

Пользуясь сильным попутным ветром, «Святая Дева» с развернутыми парусами шла в сторону Нарвы. Обогнув западный берег Сааремаа, бриг уже приближался к острову Муху, и Лембит с Каском оживились: они размахивали руками и показывали друг другу хорошие места для ловли салаки...

До Нарвы оставалось два дня пути, а если ветер не ослабеет, то даже полтора.

– Корабль! Корабль! – закричал сидевший на перекладине грот-мачты Демид. – Прямо впереди!

Очень скоро стало видно, что это – галера. Крупный и тяжелый корабль двигался медленно, несмотря на то что кроме парусов ходу способствовали весла: по двадцать с каждого борта. Кроме всего прочего, галера была мощно вооружена – бронзовые стволы пушек торчали над фальшбортом.

– Восемь, – сказал Степан, отнимая от глаз подзорную трубу, купленную в Сан-Мало. – Восемь с одного борта и, значит, восемь с другого. Шестнадцать пушек, немало.

– Откуда ты знаешь? – отозвался стоявший рядом Василий.

– Мы уже достаточно насмотрелись здешних кораблей.

Может быть, пушек всего восемь, и они просто перекатываются по палубе, в какую сторону нужно.

После того, как «Святая Дева» покинула бухту на Готланде, боярский сын почти неотступно стоял на капитанском мостике, всматриваясь в морскую даль. Степан понимал, отчего это происходит – сотнику не терпелось поскорее найти вражеское судно и вступить в бой. По мере приближения к берегам Ливонии такая возможность становилась все больше осуществимой. Строго говоря, в этой части Варяжского моря почти каждый встреченный корабль мог быть вражеским.

Больше всего Степан не хотел идти на конфликт со своими товарищами. В бой рвался не только Василий Прончищев – все члены команды хотели иметь цель плавания, а такой целью могла быть только война с врагами. Врагами же России в Ливонской войне были почти все страны, расположенные по берегам Балтики.

– Мы ведь не будем нападать на шведские корабли? – с утвердительной интонацией в голосе спросила Ингрид несколько дней назад, едва бриг миновал датские острова и вошел в Варяжское море.

Ее лицо при этом было тревожным и выжидательным.

– Не будем? – переспросил Степан. – Но почему? Ведь Швеция воюет с нами.

– Но не со мной, – ответила Ингрид твердо. – Знаешь, этот корабль, на котором мы сейчас плывем, это ведь был корабль

моего отца, а он был шведом. И я наполовину шведка, не забывай об этом. Пусть я лишилась этого корабля, и мы все вместе потом захватили его у Хагена, но все же...

Она покраснела от досады, что Степан делает вид, будто не понимает ее, и приходится словами объяснять очевидные вещи.

– Моему отцу не понравилось бы, что его дочь на его корабле воюет со Швецией. Подумай сам, если мы нападём на шведский корабль и завяжется бой, то я все время буду думать о том, что там находятся товарищи моего отца. Может быть, его старые друзья.

Что же делать? Степан оказался в сложном положении. Он понимал девушку и ее чувства, но попробуй объясни это Василию, который только и мечтал сразиться с врагами России. Он не делал разницы между этими врагами, как и вся команда брига. Разве что только Лембиту и Каску было безразлично, с кем воевать: они просто хотели вернуться домой.

Оставалось лишь надеяться на то, что первый встречный вражеский корабль окажется не шведским. И второй – тоже. И третий...

Сейчас корабли шли на сближение. На «Святой Деве» царило молчание – все столпились на носу судна, всматриваясь в галеру. Бриг шел наперерез под всеми парусами, и только высокая боковая волна мешала ему двигаться быстрее.

Ингрид нервно перехватила у Степана подзорную трубу и стала разглядывать судно. Вдруг лицо ее просветлело.

– Я вижу штандарт на корме, – сказала она, отнимая трубу от глаза. – Там зеленый крест на красном поле. Это штандарт Ливонской конфедерации.

Для Степана это было удачей! На сей раз конфликта удалось избежать. Ливонская конфедерация была главным врагом России в войне. Швеция и Дания тоже воевали, но наступление русских войск велось именно на ливонских землях, и конфедерация являлась главным потерпевшим от агрессии Московского царства.

– Вы собираетесь напасть на этот корабль? – с независимым видом поинтересовался Марко Фоскарينو, вылезший из каюты и присоединившийся к стоящим на мостике. – Вас не смущает, что на борту столько пушек? Это явно военное судно.

– Смущает, – ответил Степан. – Но это ведь наши враги. Галера идет в Ригу или Ревель. А то, что она сильно вооружена, как раз говорит о том, что на борту – ценный груз.

– Вы надеетесь справиться? – вежливо поинтересовался венецианец. – Со всем уважением скажу вам, что орех этот может оказаться вам не по зубам. Напав на крупный вооруженный корабль, вы скорее рискуете сами оказаться в роли побежденных.

Степан вздохнул. Он и сам видел, что купец совершенно прав. Но...

– Видите ли, – ответил он. – Вся наша команда хочет принять участие в войне и сражаться с врагами московского ца-

ря. Они знают, что мы идем на войну, и это их воодушевляет. Если мы струсим перед первым же вражеским судном, это сломит и озлобит людей.

– Они готовы умереть в бою? – недоверчиво спросил Марко и тотчас же, вспомнив недавние события, махнул рукой. – Ах да. Я совсем забыл, что имел счастье убедиться в том, что это действительно так. Пожалуй, вы правы, капитан.

Обсуждать тут было больше нечего: общее настроение команды передалось и на капитанский мостик.

– К бою! – зычно закричал боярский сын, входя в привычную для себя роль военачальника. – Пушки, пищали заряжай! Фитили пали!

Правда, команд и не требовалось – люди сами поняли, куда клонится дело, и уже вооружились. Мелькали заряжаемые мушкеты и холодное оружие. В руках у сотника была длинная сабля, с которой он не расставался. Сейчас она была высоко поднята над головой.

– За царя Ивана! – крикнул Василий, воодушевляя бойцов. – За землю русскую! За веру христианскую!

Видимо, и на галере уже поняли, что боя не избежать – над бортом вражеского судна взвились характерные дымки зажженных фитилей.

– Ребята! – снова крикнул Василий, размахивая саблей. – С галерой мы уже справлялись, знаем это дело! Главное – не бойся, стреляй метко, руби твердо! Постоим за русскую державу! Варяжское море будет Русским!

Но теперь уже пора стало вступить в свою роль капитану – бриг следовало развернуть бортом. Не таранить же тяжелую галеру!

Начинать разворот нужно было немедленно. Вот тут и приходилось горько пожалеть о малочисленности команды. Всем людям на борту брига пришлось отложить уже взятое в руки оружие и схватиться за канаты парусов. Хорошо еще, что каждый теперь знал свое место и люди знали, что и куда тянуть по команде капитана.

– К пушкам, к пушкам! – закричал Степан, увидев, что Ипат с М-Твали присоединились к остальным товарищам и взялись за управление парусами.

– Пушки не бросать, готовиться!

Еще не хватало, чтобы разворот был выполнен, и бриг развернулся бортом к врагу, а пушкари при этом оказались не готовы! Такое означало бы заранее проигранный бой.

– Все пушки на правый борт! – скомандовал Степан, и чернокожий гигант принялся перекатывать через палубу тяжелые лафеты с чугунными пушками. Рядом суетился коренастый Ипат с банником в руках.

Бриг начал разворот, и его стремительное движение наперерез галере остановилось. Видя это, замедлила ход и галера. Весла на ее бортах взметнулись кверху и замерли. В преддверии боя над морем царила тишина, разрезаемая лишь хрипылыми криками чаек – морских хищников, почуявших скорую добычу.

Совсем рядом со Степаном, возле борта судна, стоял Лаврентий с концами двух канатов в руках. На мгновения их взгляды встретились, и колдун ободряюще улыбнулся.

– Мы победим? – на всякий случай спросил Степан друга.

– Этого я не знаю, – мотнул головой Лаврентий. – Но мы с тобой останемся живы.

– Точно знаешь?

– Я это видел, – сквозь зубы, не отрывая глаз от управляемого канатами паруса, ответил колдун: – Там, на острове богов. Мне явились сцены из нашей с тобой жизни, которые будут после этого боя. Значит, нам предстоит пережить его.

Что ж, хорошая новость. Вот только знать бы, в каком виде они переживут сражение. Ведь остаться в живых можно по-разному. Впрочем, судя по всему, Лаврентий не собирался откровенничать о подробностях своих видений...

С капитанского мостика брига более высокого, чем галера, была хорошо видна палуба вражеского судна. Через стекла подзорной трубы Степан крупно и отчетливо видел, как рыжебородый человек в сверкающей кирасе распоряжается расстановкой солдат по левому борту галеры. Было их довольно много – в железных шлемах, с длинными копьями в руках. Видел поморский капитан и наставленные на его корабль жерла пушек, и сосредоточенные лица канониров, ожидающих приказа стрелять. Ясно было, что на галере только терпеливо ждут, когда «Святая Дева» завершит разворот и подставится правым бортом.

Именно так все и произошло: стоило бригу встать параллельно галере, как с ее борта немедленно раздался дружный артиллерийский залп. Облако плотного порохового дыма окутало судно. Заряды прошли над головами, поверху, нанося ущерб лишь парусному вооружению «Святой Девы». Треснула и накренилась бизань-мачта, во все стороны полетели щепки. На грот-мачте были сбиты обе поперечные реи, и средний парус упал, накрыв собой нос корабля.

Крупная щепка из разбитой мачты ударила Ингрид в спину, и та закричала. Поняв, что ничего страшного не произошло, девушка осталась на мостике рядом со Степаном. Ему хотелось прогнать ее в трюм, но он твердо знал – она не согласится. Да, в общем-то, правильно делает, потому что он ведь прекрасно помнил, как она в бою спасла ему жизнь.

Сейчас в руках у Ингрид был длинный кинжал, а в глазах уже появился знакомый Степану безумный блеск – торжества и наслаждения смертельным боем. Как раз то выражение, которое восхищало его в этой девушке и с такой же силой отталкивало...

Краем глаза Степан успел заметить и то, что Марко Фоскарино нет на палубе. Предусмотрительный венецианец предпочел не рисковать жизнью и спустился в трюм. Он решил, что это не его война, и он ни на чьей стороне. Кто бы ни победил в этом бою, его дело – сторона.

«Мудрый человек, – с уважением подумал Степан. – Хотя легко быть мудрым в его положении. Что ему здешняя вой-

на? Даже если очень скоро мы проиграем бой и все будем мертвы, а судно захватят вот эти ливонцы, венецианскому купцу они, скорее всего, ничего дурного не сделают».

Зачем же ему сражаться?

Впрочем, все эти мысли пронеслись в голове капитана за одно мгновение, потому что в следующее грянул ответный залп со «Святой Девы». Это был даже не вполне залп, а два залпа – по четыре за один раз. У человека ведь только две руки, а канониров на бриге имелось только двое – Ипат и М-Твали. Каждый поднес запальные фитили к двух пушкам, а затем повторил...

Бриг дважды сотрясся от орудийных выстрелов. Теперь весь его правый борт был в пороховом дыму, и столпившиеся там люди ничего не могли видеть. Зато с капитанского мостика Степан отлично разглядел результаты стрельбы.

То ли Ипат во время своей работы на Пушечном дворе в Москве усиленно тренировался в стрельбе, то ли от рождения имел сноровку и меткость, но только единственный глаз и рука на сей раз не подвели его. Удары снарядов, заряженные любимой Ипатом картечью, прошлись прямо по палубе вражеского корабля, внося опустошения в ряды ливонских солдат. Отчетливо слышались громкие крики раненых.

– Ура! – закричал боярский сын Василий и, сочтя, что теперь его место рядом с бойцами, спрыгнул с капитанского мостика. Он бросился к борту и, схватив из рук Кузьмы заряженный мушкет, выстрелил из него в сторону галеры.

Этот выстрел, конечно, ушел в воздух, но, следуя примеру сотника, остальные бойцы принялись стрелять. Делали они это куда профессиональнее своего командира. Из мушкета, как и из пищали, бессмысленно стрелять «с рук»: торопливость тут ни к чему не приведет. Ствол мушкета слишком длинный, да и сам он слишком тяжелый, чтобы можно было прицелиться из него. Без упора стрелять бесполезно, сначала нужно приладить ствол и тогда уже целиться.

В обычном бою стрельцы всегда использовали в качестве упора бердыш, а сейчас, на корабле, прилаживали стволы к краю фальшборта и так только вели огонь.

В ответ тотчас же затрещали выстрелы с борта галеры. Однако куда опаснее были бронзовые пушки. Надеяться на качку и на то, что благодаря ей следующие снаряды опять пройдут мимо, было нелепо. Степан, понимавший все это, давно уже бросился к штурвалу и лихорадочно выкручивал его так, чтобы судно приблизилось к вражеской галере как можно плотнее. В морском бою, да еще когда у противника превосходство в огневой мощи, рассчитывать можно было только на абордажный бой.

Штурвал крутился, руль корабля медленно двигался, приближая борт «Святой Девы» к галере, но происходило это слишком медленно. Слишком медленно для того, чтобы избежать следующего залпа.

Пушки загрохотали снова – на этот раз с обеих кораблей одновременно. Следующие минуты боя проходили в услови-

ях полного отсутствия видимости. Белесые клубы порохового дыма оказались такими густыми, что не видно было собственной протянутой руки. Когда же налетевший порыв ветра стал разгонять дым, корабли ударились друг о друга бортами. Ударившись, тотчас же дрогнули и отскочили, но Степан своими манипуляциями со штурвалом добился своего. Теперь дело было за Василием Прончищевым – любителем рукопашных схваток.

Стоявшие наготове с баграми в руках Агафон и Фрол-балалаечник стремительно выбросили вперед деревянные древки с крючьями и зацепились за борт галеры. Путь для abordажного боя был открыт.

«Нас слишком мало, – с тоской подумал Степан. – Мы все погибнем!»

И надо же было им налететь сразу на такой серьезный корабль! Выбрать бы что-нибудь помельче для начала...

Самому Степану больше нечего было делать на капитанском мостике – он выполнил свою задачу. С саблей в руке поморский капитан прыгнул с мостика и кинулся к своим людям. Многие из них уже лезли через борт ливонской галеры. Совсем близко, в двух шагах, мелькали оскалившиеся лица вражеских воинов и моряков. Сверкали шлемы, слышались крики на незнакомых языках.

Бросив орудия, Ипат со своим чернокожим «воспитанником» присоединились к атакующим. Выстрелов больше не было слышно, дым постепенно рассеивался, относился

ветром в сторону. Оглянувшись вокруг, Степан увидел, что на палубе «Святой Девы» никого не осталось – все члены его команды уже яростно рубились на борту вражеского судна.

«Что ж, – мелькнула мысль. – Очень хорошо, пусть будет так. Теперь все пути отрезаны. Мы либо погибнем все до одного, либо победим».

Он прыгнул через фальшборт и оказался на палубе чужого корабля. Ударил саблей тотчас налетевшего на него солдата, но сабельный клинок прошел вкось, лишь оттолкнув нападавшего. Ливонец оказался невысокого роста, с бледным одутловатым лицом, заросшим редкой бороденкой. Оловянные глаза его были выпучены то ли от страха, то ли от боевой ярости. Это лицо Степан запомнил на всю жизнь, потому что в следующее мгновение он ударил снова, и сабельный удар пришелся прямо в незащищенную шею врага. Казалось, оба противника были сильно удивлены, и на мгновение замерли, не веря в самую возможность происходящего.

Для Степана это был первый убитый им человек. До этого он воевал и дрался в рукопашных схватках, но убивать ему не приходилось. Если только выпущенная им из стрелецкой пищали пуля и убила кого-то, но это ведь – совсем другое дело. Когда убиваешь пулей на расстоянии, это как бы и не совсем ты: убивает ведь пуля...

Сейчас сабельный клинок рубанул по шее ливонца и глубоко вошел в человеческую плоть. Рука Степана, державшая саблю, ощутила этот момент – сталь клинка резала те-

ло человека. Сабля убивала, и капитан ощущал это, словно на мгновение слившись с убиваемым в один организм.

А для ливонца этот момент был невыносимым, потому что даже если ты на войне и часто видишь смерть вокруг себя, сам ты реально представить собственную гибель все равно не можешь. Человек не может поверить в свою смерть, пока она не приходит.

Со стороны все произошло за несколько коротких мгновений. Да так оно и было на самом деле, но только не для двух участников схватки: убившего и убиваемого.

Впрочем, понял все это Степан только потом, когда воскресал в своей памяти события этого боя, но тем не менее осознание совершенного им непоправимого и бесповоротного вошло в душу...

Обливаясь кровью, ливонский солдат повалился на палубу спиной назад, а Степан уже развернулся к следующему врагу. Он рубился еще с одним, а затем с другим противником, краем глаза выхватывая куски из происходящего вокруг.

Заметил, что оставленная экипажем «Святая Дева» отошла от галеры и теперь качается на волне уже на некотором расстоянии.

«Это к лучшему, – решил он. – Значит, отступить некуда. Ни для меня, ни для кого из людей нет соблазна сбежать».

Между тем бой продолжался: сотник Василий, отчаянно крутя в воздухе саблей, гнал нескольких ливонских канони-

ров по палубе до тех пор, пока не зарубил одного за другим. Одноглазый Ипат, рыча, как медведь, и сквернословя, бросался на обступивших его врагов, тыча саблей в разные стороны, и всякий раз кто-то из ливонцев отскакивал с болезненным криком либо падал на палубу.

Гигант М-Твали избрал для себя достойную жертву – рыжебородого командира в сверкающей кирасе. Видимо, он был обучен нападать на самого главного врага: не случайно в прошлый раз он кинулся на Степана. Бородач был вооружен длинной и тяжелой саблей, которой размахивал так, словно эта тяжесть была ему нипочем. Видно было, что это опытный воин, прошедший много сражений на суше и на море. Он не испугался чернокожего гиганта, бросившегося на него с двумя кинжалами в обеих руках.

М-Твали полез на абордаж без одежды, он скинул с себя все и остался в одной набедренной повязке, отчего его огромное черное тело казалось устрашающим. Рыжебородый командир рубил нападавшего саблей, и искры сыпались с кинжалов, которыми М-Твали прикрывался. В физической силе он превосходил своего противника-ливонца, и руки его были способны выдерживать удары саблей. Но могли не выдержать и сломаться кинжалы!

Сражение шло с переменным успехом. Сначала команда «Святой Девы» воспользовалась моментом и оттеснила защищавшихся от борта к центру палубы, а затем строй был потерян, и схватка неизбежно рассыпалась на кучки сража-

ющихся. Вся палуба галеры превратилась в поле боя. Несомненно, люди Степана хоть краем глаза, но заметили, что их корабль отошел от галеры и что им остается лишь победить либо погибнуть здесь и сейчас. Проиграть бой они не могли – в этом случае никакой надежды на пощаду не имелось. Никто не оставил бы их в живых, ведь на сей раз они выступали в роли нападавших.

Удар тяжелого копья был нацелен прямо в голову Каска. Тот уклонился, но, поскользнувшись на мокрой от крови палубе, упал прямо под ноги ливонцам. Один из них бросился вперед и вонзил кинжал в плечо эстонскому рыбаку. Тот еще пытался подняться на ноги, но второй удар кинжала чиркнул по виску. Обливающийся кровью Каск снова встал, пошатываясь и обводя помутневшим взглядом поле битвы, и тут его настигла смерть – еще один ливонец, подскочив вовремя, достал-таки его саблей...

Вспоминая потом этот бой, все как один говорили о том, что враги защищались как-то вяло и неуверенно. На самом деле силы были слишком неравны, и нападение на галеру являлось с военной точки зрения чистейшим безумием. Как выяснилось впоследствии, галеру защищали пятьдесят человек солдат и матросов, а нападавших было всего двенадцать.

Но два фактора определили исход сражения. Ливонская галера вообще не предвидела никакого нападения, и оно явилось полной изумляющей неожиданностью. В этой части Балтийского моря у Ливонской конфедерации попросту

не имелось врагов! Кто мог предположить появление откуда ни возьмись корабля с изображением православной иконы на парусе и с русским экипажем? Ведь Россия не имеет флота...

Второй удачей, определившей успех «Святой Девы», был весьма удачный артиллерийский залп, данный Ипатом, и с самого начала нанесший большой урон защитникам галеры: шестнадцать человек, пораженные картечью, разом вышли из строя. Само по себе это произвело ужасное впечатление на остальных – первый выстрел часто бывает решающим.

Последним ударом оказалась гибель командира – рыжебородого красавца, всегда вселявшего уверенность в своих солдат. Улучив подходящий момент, М-Твали отскочил в сторону и, уклонившись от очередного удара саблей, вдруг вскинул руку с кинжалом и метнул его.

Метание ножей никогда не было частью европейского военного искусства. Зато оно было основным в племени на западном берегу Африки, и даже там, на родине, среди своих соплеменников, М-Твали в этом искусстве не знал себе равных.

Лезвие кинжала вошло в открытый рот ливонского командира и, пробив шейные позвонки, пригвоздило его голову к основанию фок-мачты. Глаза убитого вылезли из орбит, словно уставившись в лицо неожиданному победителю.

Как ни странно, в пылу битвы, среди криков и мелькания

сабель, случившееся увидели все. Одновременно все увидели также, как Ингрид, пробившаяся на корму вражеского корабля, сорвала штандарт Ливонской конфедерации и швырнула его в студеное Балтийское море.

С удвоенной силой русские пираты бросились на смутившихся врагов. В эту минуту многих покинуло чувство опасности. Теперь только одно чувство – ярость – владело нападавшими. Как львы, они бросались на отступавших по палубе ливонцев, тесня их к корме. Уже в третий раз люди Степана Кольцо захватывали судно таким образом!

Оставшиеся без командира и подавленные отчаянной храбростью нападавших, ливонцы вскоре побросали оружие. Они надеялись на милость победителей и не ошиблись. Еще в Сан-Мало Степан узнал о том, что пираты делятся на две основные категории: на тех, кто захватывает пленников, и на тех, кто в плен никого не берет, убивает всех подряд. Эта вторая категория пиратов имеет на своем флаге специальный знак – предупреждение. Это изображение песочных часов как символа быстротекущего времени и конечности земного бытия. Если мореплаватели видят на пиратском флаге рисунок песочных часов, они твердо знают – им следует либо проявить чудеса мужества и победить пиратов, либо готовиться к неминуемой смерти.

Еще тогда, узнав об этом обычае, Степан Кольцо возмутился. Его поразила сама постановка вопроса: как можно убивать людей не в бою, а просто так? Разве мыслимо так

поступать доброму христианину?

– Значит, ты никогда не станешь настоящим пиратом, – заметила Ингрид, рассказавшая о символике флагов. – Ну, честно говоря, мне именно это в тебе и нравится. Да и в твоих людях тоже – вы не убийцы.

– Все – не убийцы? – удивился Степан, оценивавший своих спутников несколько иначе.

– Все, – твердо ответила девушка. – Даже одноглазый. Он дикий зверь, но не убийца.

Сдавшихся ливонцев поспешили загнать в трюм галеры и накрепко заперли. Демид с Лембитом остались возле двери, чтобы стеречь пленников. Такая предусмотрительность была совсем не лишней: пленных ливонцев было почти двадцать пять человек, включая раненых – все еще гораздо больше, чем победителей.

Сразу после окончания боя стало известно о том, что маленькая команда «Святой Девы» понесла существенные в ее положении потери. Кроме убитого Каска, тяжело раненным оказался Фрол-балалаечник. Он получил свое ранение в самом начале, когда вместе с Агафоном притягивал багром галеру к борту. Когда это уже удалось, ливонский солдат ударил саблей Фрола по правой руке и почти отсек ее. Стрелец понял, что ранен, но, не обратив на это внимания, перехватил саблю в левую руку и вместе со всеми перепрыгнул на палубу галеры. Он сражался плечом к плечу со своими товарищами до тех пор, пока не ослабел от потери крови.

Сейчас Фрол с помутившимся взором лежал на палубе, привалившись плечом к мачте, а из разрубленной руки его хлестала и не останавливалась кровь. В роли лекаря на сей раз выступил Лаврентий. Он не стал применять свои колдовские приемы – на это не было времени.

Как поступать с тяжело раненной конечностью, знал каждый помор, да и вообще каждый охотник. Потерять руку или ногу – обычное дело на охоте. Нападающим может быть медведь, или тюлень, или даже морж, если будешь недостаточно осторожен во время промысла.

Лаврентий тяжелым ножом отсек висящую на лоскуте кожи кисть Фрола, а затем изо всех сил туго забинтовал обрубок разорванной на длинные клочья рубахой. О системе кровообращения, открытой доктором Гарвеем, никто в те времена не догадывался, но на практике каждый лекарь знал: чтобы остановить потерю крови, бинтовать нужно как можно туже.

После этой несложной операции оставалось только молиться и надеяться на то, что рана не загноится, как это случилось с несчастным Димитрием Кордиосом...

Из-под палубы слышался глухой невнятный гул – это переговаривались между собой взволнованные галерные гребцы. Как это было принято повсеместно, гребцы здесь не могли покинуть своих мест в любом случае – каждый был прикован за ногу цепью к своей скамейке. Все это время они были пассивными свидетелями происходившего, но теперь

волновались – ведь решалась и их судьба.

Степан собрался уже было спуститься к гребцам и разобрататься с ними, но тут же прибежала Ингрид и сообщила, что в кормовой каюте обнаружены спрятавшиеся там люди, не принимавшие участия в сражении.

– Там даже девушка есть, – сказала она. – Очень красивая, только напугана до смерти. Вы ведь не собираетесь ее убивать?

– Мы же с тобой уже решили эту проблему, – ответил Степан. – Ты сама сказала, что я не убийца, и мои люди тоже не убийцы.

Тут же он вспомнил, что совсем недавно убил человека – ливонского воина, и в душе что-то неприятно перевернулось. Но ведь это – не убийство, а честный бой. Разве не так?

Поручив своим людям спустить шлюпку и притянуть веревкой поближе «Святую Деву», чтобы брошенный бриг не уплыл далеко, капитан отправился взглянуть на важных незнакомцев.

Главная каюта галеры была очень богато украшена. За свою жизнь Степан Кольцо, не считая поморских кочей, видел три корабля – «Святую Деву», на которой плавал сам, пиратскую галеру, захваченную вблизи нормандских берегов, и английский военный корабль, на котором побывал в гостях. Пиратская галера была грязной и запущенной: пираты не заботились ни о чем, кроме пьянства, убийств и грабежа. На английском корабле все было надраено и царила

чистота, но обстановка выглядела бедно даже в адмиральской каюте.

Здесь же Степан столкнулся с великолепием, которого никогда не видал.

Каюта была большая, с узкими стрельчатыми окнами, выходящими на три стороны. На них даже имелись шелковые занавески, чего Степану на кораблях видеть не приходилось. Дощатый пол каюты был застлан большим ковром с изображением затейливого орнамента, а на стенах висели ковры размером поменьше с вытканными на них рисунками. Никогда прежде поморскому капитану не доводилось видеть такой искусной работы. На одном ковре был выткан олень с ветвистыми рогами, стоящий на фоне поросшей лесом горы. На другом – несколько красиво одетых женщин, идущих по дороге с букетами цветов в руках.

Все это выглядело так естественно и изображено столь натурально, что оставалось лишь удивляться искусству неведомых мастеров, создавших такие чудесные украшения.

Но все это Степан ухватил одним взглядом, потому что гораздо большее внимание его привлекали люди, находившиеся в этой роскошной каюте. Все трое явно заслуживали того, чтобы ими заинтересоваться.

В любом ином случае первым, на кого бы Степан обратил внимание, была бы девушка, стоящая в углу каюты, будто забившаяся туда в поисках спасения. Ингрид не ошиблась – незнакомка действительно была очень красива, а кроме того,

великолепно и дорого одета. Ослепительная красота незнакомки сразу бросилась в глаза Степану, но он мгновенно отвел взгляд. Здесь было кое-что поинтереснее...

В центре каюты находилось резное кресло, в котором сидел крупный мужчина лет сорока с резкими чертами лица и волевым, выступающим вперед подбородком. Из-под кустистых бровей смотрели серо-стальные глаза, и взгляд их был бесстрашен. Этот прямой взгляд приковал к себе внимание Степана: безоружный человек в кресле не боялся его!

На незнакомце была шерстяная сутана лилового цвета, а на седеющих волосах – плоская шапочка такого же цвета. На могучую широкую грудь свешивалась золотая цепочка с золотым же крестом.

Это был священнослужитель, как сразу догадался Степан, причем очень высокого ранга. На улицах Сан-Мало поморскому капитану приходилось видеть католических священников. Их одеяния и вообще внешний вид сильно отличались от того, как выглядели священники греческого обряда, к которым он привык с детства. Отсутствие бороды и непривычный покрой сутан не позволял ошибиться. Но тамошние священники выглядели иначе, чем тот, который сидел сейчас в кресле. Властный вид, ямочка на подбородке, да и ткань дорогой одежды свидетельствовали о том, что это – не простой священник.

Третьим в каюте был юноша – невысокого роста, скромно одетый, дрожащий от страха.

Сзади на Степана напирал Василий, стоявший в дверях, так что пришлось войти в каюту и закрыть за собой дверь. Теперь они остались трое на трое. С одной стороны – красивая незнакомка, священнослужитель и юноша, а с другой – Степан с Василием и зашедшая вместе с ними Ингрид.

– Кто вы такие? – резким голосом спросил сидящий в кресле человек, окидывая суровым взглядом вошедших. – Что вам надо? Почему вы напали на наше судно?

Говорил он по-немецки, так что присутствие Ингрид оказалось очень кстати, – она в который уже раз взяла на себя роль переводчицы. За время плавания с русской командой общительная Ингрид даже успела заговорить по-русски, так что нужда в двойном переводе отпала. Лишь в сложных случаях она использовала родной язык, с которого Степан уже переводил Василию.

Василий собрался было отвечать на заданные вопросы, но Степан толкнул его в бок, и сотник осекся.

Поморскому капитану не понравился властный взгляд и резкий голос. Задававший вопросы человек в кресле явно ощущал себя выше его, а деление людей на низших и высших выводило Степана из себя еще на Московской Руси. Один человек не выше другого, люди равны. А если кто-то хочет быть выше других, ему еще нужно доказать свое право на это. Пока что Степан, Василий и люди со «Святой Девы» доказали совсем обратное, они вышли победителями в бою.

– Задавать вопросы буду я, – твердо заявил помор. – Ты

будешь отвечать на них, когда я велю тебе. А если станешь дерзить, то пойдешь кормить рыб в море.

Наступила пауза. Священнослужитель не выглядел испуганным, он задумчиво крутил пальцами дорогой перстень на руке, и в лице его ничто не изменилось. Впрочем, Степан и не рассчитывал напугать этого человека: видно было, что он не из пугливых. Нужно было лишь обозначить, кто в данную минуту является хозяином положения.

Человек в лиловой сутане принял решение.

– Я – епископ Хуго фон Штернберг, – сказал он, вскинув голову. – И в настоящее время направляюсь в Ригу в качестве легата Его Святейшества Папы. У меня особое поручение от Святого Престола. А теперь пора и тебе назвать себя и заодно объяснить, кто ты сам и почему напал на нас.

Степан услышал, как стоящий рядом с ним Василий поцокал языком. Ну да, как тут не удивиться! Что такое легат? У Ингрид спрашивать неудобно, но можно догадаться, что это важная персона. От самого Папы Римского!

Теперь уж Василий не смог промолчать. Такая удача свалилась им на голову в самом начале! Папский легат!

Сглотнув от волнения слюну, Василий сказал:

– Сейчас в Ливонии идет война. Что делать легату от Папы в Риге? Что за поручение у тебя? И еще: что это за люди с тобой? Кто эта девица?

Хуго фон Штернберг усмехнулся и чуть склонил голову.

– На последний вопрос я ответить могу, – сказал он. – Моя

племянница Эвелин и мой секретарь Георг Браушвиц.

Он небрежно взмахнул рукой, как бы представляя своих спутников, а затем добавил:

– Ну вот, это все, что вы вправе были спросить у меня. Теперь назовитесь сами. Или вам нечего сказать и вы обыкновенные морские разбойники?

Он взглянул насмешливо, и Степан в который раз удивился самообладанию этого властного и смелого человека. Перед ним стояли два разъяренных битвой человека с обнаженными саблями, на лезвиях которых запеклась недавно пролитая кровь, а он разговаривал с ними без тени страха.

Степану вдруг вспомнились слова старца Алипия из холмогорского монастыря.

– У всякого человека можно чему-то поучиться, – назидательно говорил иеромонах, по-старчески прикрыв веками выцветшие глаза и слегка покачивая седой головой в такт собственным словам. – Всякий человек – творение Божье и поэтому обязательно имеет нечто Божественное. Хотя бы капельку. Если ее распознать, то именно этой капельке можно у него научиться.

Вспомнив тот разговор в монастырской библиотеке, Степан подумал о том, что у немецкого епископа вполне можно поучиться многому.

– Мы не разбойники, – вскинулся Василий. – Я же сказал тебе – в Ливонии идет война, и мы воины.

– Воины? – вскинул кустистые брови епископ. – Очень

интересно! И какой же страны вы воины, раз напали на легата Его Святейшества?

Он снова сурово усмехнулся и сжал тонкие волевые губы.

– А кроме того, – заметил он. – Что-то вы не похожи на шведов и датчан. Так чьи же вы воины?

Снова настал черед Василия. Он выставил вперед свою и без того крутую грудь и гордо сказал:

– Мы – воинский корабль Ивана, царя Московского и всея Руси. Вы плыли под флагом Ливонской конфедерации. А значит, корабль ваш – вражеский, и захватили мы его в честном бою.

Слова Василия, казалось, не произвели на Хуго фон Штернберга никакого впечатления. Он хрустнул костяшками пальцев и, презрительно усмехнувшись, промолвил:

– Вы лжете. У русских нет никаких военных кораблей. А царь Иван сидит где-то далеко в лесах и никогда не видел моря.

Он попросту не поверил! Совсем не поверил! Степан с Василием переглянулись.

Увидев, как его слова ошарашили незнакомцев, епископ решил, что пришла пора переломить ситуацию.

Он встал во весь рост, оказавшись мужчиной громадного роста и могучего телосложения. Взявшись правой рукой за крест, висящий на груди, Хуго сказал:

– Судя по вашему языку, я думаю, что вы поляки. Раньше я служил в Торне, где много поляков, и привык к вашему

языку. Вижу сейчас, что бес вас попутал. Вы – добрые католики, которые попросту совершили ошибку.

Голос епископа сделался гораздо мягче, чем прежде, а на лице появилось строгое, но увещательное выражение.

Удивленные Степан с Василием молчали, и епископ, приняв их изумление за смущение, продолжил, все больше уверяясь в успехе.

– Все совершают ошибки, – говорил он. – Вы совершили грех, не подумав. Напали на судно, убили много людей – своих братьев во Христе. Не знаю, что толкнуло вас на это, но, если вы сейчас встанете на колени и искренне покаетесь, я подам вам отпущение греха. Бог вас не накажет, и вы останетесь по-прежнему сынами святой Католической церкви и будете пребывать в молитвенном общении с самим предстоятелем Святого Престола.

Он окинул отеческим взглядом стоявших перед ним и еще мягче проговорил:

– Ну, что же вы? Не смущайтесь! Нет греха, который Бог бы не простил при покаянии. Вставайте на колени и покайтесь.

Теперь Хуго фон Штернберг улыбался – мягко, любовно, отечески. Он стоял прямо, властный и величественный, и от имени Бога обещал прощение этим заблудшим овцам.

Первой хихикнула Ингрид. Она не удержалась и, переводя последние слова, откровенно развеселилась. За ней засмеялся Степан, и даже ошеломленный Василий нерешительно

улыбнулся.

– Милый человек, – задушевно сказал Степан. – Ты, чем болтать попусту, лучше в окно посмотри. Видишь наш корабль? Вот его как раз подтащили к вашему борту. Посмотри, посмотри, мы не торопимся.

Епископ подошел к высокому узкому окну и некоторое время разглядывал «Святую Деву». Выглядела она очень неважно: безнадежно сломанная мачта и сильно поврежденная другая. Это уж не говоря о пробитых во многих местах парусах, которые точно теперь нужно полностью менять – такие прорехи не починишь.

Но парус с изображением Пресвятой Богородицы, нарисованной Федором по всем правилам греческого иконописного мастерства, остался неповрежденным, и епископ увидел его. Увидел и славянские буквы, тянущиеся по борту брига.

Потрясенный епископ обернулся, и выражение его лица теперь вовсе не походило на прежнее. На этот раз он поверил сказанному, точнее – собственным глазам. Но смириться с этим не мог, как не мог до конца осознать случившееся. Хуго фон Штернберг с детства твердо знал, что Балтийское море принадлежит немцам, шведам и датчанам. Ну, еще немножко полякам, но самую малость. А русские – кто они? Дикие люди, которые где-то далеко в звериных шкурах бродят по непроходимым лесам. Правда, сейчас они напали на несчастную Ливонию и пытаются выйти к морю. Но им это никогда не удастся, потому что быть такого не может!

Дикие скифы в своих меховых шапках уберутся в леса надолго, если не навсегда.

И что же это? В центре Балтийского моря, вблизи ливонских берегов его захватили в плен эти самые дикие скифы!

– Как вы оказались здесь? – спросил он. – Кто вы и как проникли в наше море?

– Мы? – переспросил Степан. – Я капитан корабля «Святая Дева». Имя мое Степан Кольцо.

Василий вновь приосанился и выступил вперед.

– А я, – сказал он, – сотник московского стрелецкого войска боярин Василий Прончищев. А вы находитесь у нас в плену и будете доставлены в ставку русских войск. А море это – не ваше, и мы в него не проникли. Мы пришли сюда силой своего оружия и по воле Божьей останемся здесь, на этих берегах, до скончания века. И море станет нашим. Теперь все ясно?

Отвечать на дальнейшие вопросы епископ наотрез отказался. Он был потрясен и подавлен, но твердость духа осталась при нем. Более того, он даже стал еще более высокомерным с этими дикарями. Он – Хуго фон Штернберг, не должен был уронить высокое звание европейца и христианского епископа перед захватчиками.

С какой целью плывет он в Ригу? Какое задание имеет от Папы Римского? Что должен передать?

Все эти вопросы были заданы, но ни одного ответа получено не было. Епископ молчал, лишь задумчиво крутя пер-

стеня на пальце, его племянница сидела, оцепенев от ужаса, а юный секретарь был бледен, как полотно, и, казалось, вообще лишился дара речи.

– Потом поговорим, – решил Степан, которому не терпелось пойти к своим людям, считавшим полученные трофеи. Он обратился к Ингрид и сказал: – Вели Лембиту встать тут у дверей и никого из каюты не выпускать. Мало ли что этот епископ может придумать.

– Будем пытаться? – спросил Василий, когда они вдвоем покинули каюту. – Под пыткой во всем сознаются...

Степан не ждал этих слов, но когда они прозвучали, его словно подбросило. Он резко обернулся к боярскому сыну и, глянув в лицо, отрывисто спросил:

– А кто пытаться будет? Ты?

– Нет, конечно, – попятился от неожиданного отпора Василий. – Почему я? Я не умею и не стану...

– И я не умею, – так же резко бросил Степан.

– Но Ипат, – нерешительно предположил боярский сын. – Он все может.

– О да, – кивнул Степан. – Ипат и вправду все может, это ты правду сказал. Жаль, что мы с Лаврентием спасли тебя однажды от Ипата. Ты имел возможность лично убедиться в том, что он может все.

Василий понял намек, и лицо его побагровело. Воспоминание о своем позоре, о страхе и смятении, а также гнев на Степана, напомнившего ему об этом, – все вместе возму-

тило юного сотника. А возмутившись, он перестал контролировать себя, как делал все последнее время.

– Ты как смеешь, холоп? – вскричал он, но тотчас же оборвал себя, увидев, как изменилось лицо капитана. В глазах у Степана потемнело от нахлынувшего гнева. Вся затаившаяся глубоко в душе ненависть и презрение к московским обычаям требовали выхода, но он сдержался. Не время, не место, да и вообще – не стоит.

Он прерывисто вздохнул, набирая воздух и выпуская его через ноздри, чтобы успокоиться.

– Здесь нет бояр и холопов, – сказал он. – Мы воюем за православного царя и за славу Руси, это так. Погибнем за это, если придется. Но порядков ваших здесь не заводи. И еще запомни, боярский сын: пытать здесь никого не будут. Боевой корабль – не московский застенок, а мы с тобой – командиры над свободными людьми, а не палачи.

Сказал это и сразу же похвалил себя. Правильно сделал, что сдержался, сказал веско, но спокойно. Потому что и Василию Бог дал ума – тот понял его. Если и обиделся, то вида больше не показал. Улыбнулся в ответ Степану и хлопнул его по спине.

– Поговорили и ладно, капитан, – сказал он. – Что ругаться попусту? Да еще после такого боя и такой удачи! Какая птица-то к нам залетела, а? Пойдем, на трофеи посмотрим – богата ли добыча.

Они спустились в трюм, где члены команды как раз закан-

чивали осматривать то, что казалось им ценным на ливонской галере. Никакого груза тут не было – кроме личных вещей солдат и матросов, галера перевозила только оружейные припасы. Главным грузом был епископ с сопровождавшими его людьми.

Правда, захваченные пушки очень понравились Ипату. Они были небольшие, но зато бронзовые, то есть более современные и надежные, чем чугунные. Теперь все думали о том, каким образом перетащить их к себе на бриг. Перегрузить такие тяжести с корабля на корабль в условиях неспокойного моря и сильной качки – задача нелегкая. Зато теперь «Святая Дева» будет вооружена так, что сможет сражаться с любым противником: такого мощного артиллерийского залпа не может дать почти никто.

Одно печалило и оставалось проблемой – нехватка людей. Их не хватало даже для полноценного управления кораблем, а уж в бою малочисленность экипажа могла сделаться роковой. Не всегда же будет так везти, как повезло сегодня.

Что делать дальше и как поступить с галерой и ее экипажем, решали все вместе, поднявшись на палубу. Степан, как капитан корабля, наотрез отказывался принимать важные решения единолично. Кое-кто не понимал этого и хотел получать приказы, но помор настоял на своем.

– Если мы вместе плывем и вместе сражаемся, – сказал он, – то и судьбу свою должны решать сами, тоже все вместе.

– Что будем делать с ливонцами? – задал вопрос Степан,

встав посредине круга из столпившихся людей.

– Отпустить, – ответили все. Только Ипат с Агафоном открыли было рты, чтобы потребовать убийства, но и они, увидев всеобщее единодушие, хмуро кивнули – отпустить. Это же не пираты, которые напали на них в Северном море, а обычные солдаты и матросы. Зачем их убивать, раз сдались?

– Если отпустим, – мрачно заметил кровожадный Ипат, – они попадут к своим и станут сражаться против наших войск. Своих же врагов отпускаем.

– Высадим на ближайшем острове, – сказал Степан. – Найдем островок подальше от берега, да там и высадим. Оттуда они долго к своим не попадут. К тому времени уже война закончится.

– А с гребцами как быть? – задал капитан следующий вопрос. – Освободить? Они – люди подневольные, на цепи сидят.

– Освободить! – заговорили снова все разом.

– А если кто из них захочет с нами идти, то принять, – предложил Василий. – А то мало нас. Некому сражаться, сами видели. Сколько нас осталось-то?

Все переглянулись и приуныли. Действительно, сейчас, после того как погиб Каск и неизвестно, выживет ли Фрол, боеспособных людей оставалось лишь десять человек. С таким количеством бойцов в море не повоюешь.

– Если захотят из гребцов к нам присоединиться – возь-

мом, – повторил сотник, но тут вмешались Федор с Кузьмой. Еще недавно они сами были гребцами на галере и теперь обеспокоились.

– Осторожнее надо, – сказал Кузьма. – Среди гребцов ведь не одни пленные. Туда преступников сажают – убийц, воров, грабителей. Мы пока с Федором в гребцах были, всякого насмотрелись. Там народ такой бывает, что прямо беда. Куда ж их брать к себе?

В этот момент с кормы раздался истошный крик Лембита, звавшего на помощь.

– Пожар! – кричал он, что было силы. – Сюда! Пожар!

Главная каюта была охвачена пламенем. Огненные языки лезли по занавескам на окнах, лизали поразившие Степана gobелены с изящными сценками, трещало горящее дерево.

Лембит стоял на страже возле дверей каюты, где находились пленники, и ничего подозрительного не замечал. А затем вдруг почуял запах дыма. Потянул носом, потом еще раз принюхался и понял – дым идет из каюты. Когда он распахнул дверь, то увидел, что епископ лежит на полу, а девушка и секретарь, онемевшие от ужаса, жмутся по углам, отступая от огня, разведенного прямо на ковре в центре помещения.

Пожар на корабле – огромное бедствие. Воды кругом полно – море, но как ее достать? На галере нашлось две бадьи, которые пришлось опускать на веревке, а затем поднимать наверх. Тушить пытались вдесятером, но что могут сделать десять человек, у которых есть только две бадьи?

К тому же весть о пожаре услышали все находившиеся на борту, и корабль буквально дрожал от криков. Кричали и бились в дверь запертые пленники, вопили о помощи прикованные цепями галерные гребцы. Кому охота сгореть заживо в трюме пылающего корабля?

Вместе со своими товарищами Степан таскал воду из-за борта, плескал ее в огонь и постоянно чувствовал ужас. Пленных ливонцев, допустим, еще можно выпустить из помещения и предоставить своей судьбе. Но расковать сорок гребцов никто просто не успеет – на это нужно часа два, а пожар ждать не станет.

Пламя удалось сбить и потушить лишь в самую последнюю минуту, когда горящие доски пола уже готовы были упасть в трюм, после чего пожар было бы не остановить.

Из сгоревшей каюты спасли всех. Девушка от страха потеряла сознание, а секретарь надышался дыма и с трудом приходил в себя. Только епископ, которого вытащили из огня первым, лежал неподвижно, без признаков жизни.

– Сдох, латинская собака, – сказал Василий и пнул носком сапога мертвого епископа. – От страха сдох.

Но Степану было ясно, что это совсем не так. Покойный Хуго фон Штернберг, похоже, не знал страха и уж, по крайней мере, был не менее храбр, чем сотник Василий. Отчего же он умер?

Кто устроил пожар? И для чего?

Поняв, что они не сгорят в огне, пленники и гребцы по-

степенно успокоились. Приказав людям перегружать на бриг захваченное оружие и боеприпасы, Степан решил вплотную заняться оставшимся в живых секретарем епископа. Может быть, он будет более сговорчивым, чем его покойный господин?

Первое впечатление не обмануло Степана: юный Георг Браушвиц был именно таким человеком, каким казался – патологическим трусом. От охватившего его страха он был готов рассказать все, и даже больше того, но трясся так, что не мог говорить.

С большим трудом, и только пригрозив смертью, секретаря удалось разговорить.

– Я не разводил огонь, – трясущимися губами поведал Георг. – Его преосвященство приказал мне, но я не смог. Он сделал все сам. Нужно было сжечь бумаги.

– Какие бумаги?

– Важные бумаги, – закивал Браушвиц. – Очень важные бумаги. Письмо от Его Святейшества Папы к архиепископу Риги и еще другие.

Внезапно он спохватился:

– Но я читал все эти документы, – умоляюще заглядывая в глаза Степану, сказал он. – И могу дословно пересказать вам их содержание.

Но бумаги не интересовали поморского капитана. Что толку в сожженных бумагах, когда так много важных дел вокруг?

Осознав это и желая во что бы то ни стало спасти свою жизнь, секретарь Браушвиц рассказал самое главное – архиепископ вез деньги для сражающейся Ливонии.

– Вот тут, – прошептал он, встав на колени и указывая дрожащей рукой на сундук, стоявший у стенки каюты. – Вот здесь огромные драгоценности, которые Его Святейшество послал в Ригу. Мой господин – архиепископ фон Штернберг должен был передать их. Это деньги от святой Католической церкви для поддержки ливонцев против русского нашествия. Это – главное, что вез господин архиепископ.

– Здорово, – прохрипел сдавленным голосом сотник Василий из-за плеча Степана. – Эти сокровища – как раз то, что нам нужно. С этим сундуком мы и явимся в Москву. Все увидят, как мы служим великому государю.

С этим Степан спорить не стал. Действительно, забавно будет, если деньги, предназначенные для войны с Россией, попадут как раз в руки русскому царю. Что ж, на это он согласен. Главное теперь, чтобы команда не узнала об этих громадных богатствах – такое известие может помутить разум у многих.

Открыв сундук, Степан с Василием ахнули – он был наполнен золотом до краев. Можно было себе представить, как терзался несчастный Хуго фон Штернберг, осознавая, что теперь все это богатство попадет в руки тех, против кого оно предназначено. Но уничтожить сундук с золотом он не имел возможности. В окно не выкинешь, а сжечь невозможно –

золото не горит. Теперь понятно стало, отчего он покончил с собой – от отчаяния и бессилия. Сделал все, что смог: уничтожил важные бумаги и ушел из жизни.

Вероятно, эта мысль пришла в голову Степану и Василию одновременно. Они взглянули друг на друга и помолчали несколько мгновений.

– Надо будет похоронить архиепископа по-человечески, – сказал Василий после паузы. – Серьезный мужик был. Не всякий бы в его положении так себя повел.

– А денег здесь, – ответил Степан, кинув оценивающий взгляд на сверкающую грудку золота. – Царю Ивану еще на год войны хватит.

* * *

Взятых на галере пленников оказалось почти тридцать человек, не считая гребцов. Оставалось только поражаться, какой силой и каким волшебством команде «Святой Девы» удалось одержать победу над таким большим и хорошо вооруженным кораблем.

Глядя на захваченных пленников, крепких моряков и солдат, на их оружие, теперь собранное в кучу на палубе, Степан да и его товарищи лишь диву давались: как удалось им одолеть столь сильного врага.

– В следующий раз не станем рисковать, – сказал капитан. – Однажды случилось чудо, и мы победили, а в следую-

ший раз нужно поостеречься – нечего Бога искушать.

Пленникам объявили, что зла им сделано не будет, а просто высадят их на пустынном острове да бросят на произвол судьбы и морской стихии. Хоть известие было и невеселым, пленники обрадовались. Для попавших в руки пиратов высадка на острове считалась самой большой из возможных удач – чаще всего пленников попросту убивали и сбрасывали за борт.

Остров подсказал Лембит – знаток Балтийского моря, исходивший его на шхуне вдоль и поперек. Хозяин Хявисте знал Балтику так же хорошо, как Степан знал родные поморские края – Белое море.

– Есть небольшой остров, – сказал он. – Люди там не живут, и корабли туда не заходят. Но имеется родник с пресной водой, деревья, чтобы построить шалаши, а рыбу можно ловить в море самодельными сетями.

– А вдруг наши пленники не умеют ловить рыбу? – спросил Василий, тоже принимавший участие в выборе места. – Или не умеют сплести сети?

– Научатся, – усмехнулся Лембит. – Человек многому может научиться, когда есть сильно захочет. От голода на Балтике еще никто не умирал. От чумы умирают, от войны умирают, а от голода – нет. Море всегда прокормит.

– Но наши пленники ведь не морские люди, – заметил Василий, в котором вдруг проснулось сострадание к людям. – Они могут просто не уметь кормиться морем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.